

Дейн ответил ему что-то, чего Уэзер уже не услышал: трибуны шумели невообразимо. Сидящий рядом Андрей тихонько рассмеялся, словно вспомнив что-то, и, нерешительно понизив голос, обратился к Уэзеру:

— Кстати, босс, в Небесной сети вовсю гадают, знал ли ты о тех результатах сопряжения. И правда знал?

Уэзер опешил:

— О каких результатах?

Андрей приоткрыл рот, но, заметив краем глаза то, что творилось за спиной Уэзера, вытаращил глаза и присвистнул:

— Лексан помяни — лексан тут как тут.

Уэзер скосил глаза и повернул голову: с десятков парней в парадной военной форме один за другим протискивались внутрь, поднимая немалый переполох.

Летающие повсюду мини-камеры среагировали мгновенно, с жужжанием устремившись к новоприбывшим. Андрей остолбенел:

— Эти смазливые мордашки... они что, думают, это подиум?

Уэзер с интересом разглядывал бесконечные длинные ноги, задерживая взгляд на чужих лицах, и вздохнул:

— Честно говоря, смотреть и вправду приятно. Куда привлекательнее вашей шайки разбойников. И почему все красивые люди отправляются в Гвардейский корпус, а в «Охотники за звёздами» попадает один брак?

Прибывшими оказались именно гвардейцы. Если Охотничий корпус Альянса можно было назвать сборищем бандитов, где общая внешность держалась исключительно на одном Уэзере, то гвардейцев смело можно было назвать пиком внешней привлекательности Столичной Звезды: кого ни выхвати из отряда — каждый хорош собой, улыбка безупречна, выправка идеальна. Неудивительно, что в народе их любовно называли модельной сборной Альянса.

Конечно, эта модельная сборная обладала ещё и железобетонной силой.

Вот только командир их был сущим ледяным демоном. По мнению Уэзера, Освальд являлся абсолютным и единственным изъяном в этой цитате красоты, именуемой Гвардейским корпусом.

Впрочем, зрители и фанаты явно разделяли иное мнение: когда у дверей показался последний силуэт и по рядам прокатился холодный взгляд серых глаз, Уэзер услышал, как над стадионом взметнулся визг, едва не снёвший крышу.

Строчит из себя недотрогу, мысленно фыркнул он, закатив глаза.

Посмотрим, кто останется последним.

Уэзер молча отвёл взгляд, но вдруг почувствовал, что человек, медленно проходивший мимо него, внезапно остановился.

Озадаченный, он поднял голову и встретился взглядом с холодными глазами Освальда. Тот выглядел задумчивым, в его глазах промелькнула тень сомнения:

— Что это... за запах?

— Не твоего ума дело, — рефлекторно ответил Уэзер. — Что, до такой степени скучно, что решил оценивать чужой парфюм?

Освальд слегка нахмурился:

— Я не это имел в виду.

Уэзер пожал плечами:

— Да хоть что.

Освальд изначально намеревался объясниться. Когда он проходил мимо Уэзера, на мгновение ему почудился слабый аромат, примешавшийся к парфюму. Запах показался знакомым, но исчез столь стремительно, что уловить его снова уже не удалось.

Заметив враждебный настрой Уэзера и его колючий тон — было очевидно, что тот вовсе не желает с ним разговаривать, — Освальд вмиг потерял всякое желание докапываться до сути. Он даже сглотнул слова предупреждения, которые едва не сорвались с языка, когда он почудился у Уэзера лёгкий жар.

Предварительный матч (2)

Дилан заметил этот короткий обмен репликами между Уэзером и Освальдом, но камеры ещё не успели подлететь ближе, как оба стремительно разошлись, вернувшись каждый к своей команде.

Настало время представления участников. В финал предварительного этапа вышло ровно сто бойцов: шестьдесят стражей и сорок проводников. Кубок Небесной сети разрешал выступать в паре, и почти половина из этой сотни сражалась дуэтами. Имена всех участников высвечивались на парящих световых экранах под куполом арены.

Условия нынешнего состязания организаторы определили жеребьёвкой перед самым началом. Бойцов забрасывали в случайные точки игровой зоны; им предстояло пилотировать лёгкие мехи, в отведенное время неуклонно пробираясь к центру карты и по пути зарабатывая очки за устранение соперников.

Победа над противником давала не только базовый счёт, но и забирала часть очков побеждённого. При такой механике ломиться напролом, методично уничтожая всех подряд, было одним из способов, однако скрытное отслеживание высокопоинтовых игроков работало ничуть не хуже.

Построив однажды ментальный барьер, Уэзер почувствовал некоторую усталость. Он не знал, связано ли это с тем самым лёгким жаром, но это определённо заставило его действовать осторожнее. Выбравшись из точки случайной высадки, он не стал, как обычно, призывать духовного зверя для атаки в авангарде, а вместо этого затаился.

Он тихонько откинулся на спинку пилотского кресла, ощущая, как ментальные окончания меха

окутывают его тело. Слияние шло не так гладко, как обычно, показатель синхронизации едва дотягивал до восьмидесяти процентов. Но и этого хватит. Большинство полу-А-ранговых стражей в лучшие свои дни выдавали ровно столько же. Главное — сохранять хладнокровие, выждать нужный момент, и тогда всё пройдет гладко.

После соединения чувства Уэзера слились с восприятием лёгкого меха. Бесшумно оглядевшись по сторонам, он выбрал направление и растворился в чаще леса, не издав ни единого звука.

Через полчаса после начала матча таблица лидеров на световом экране успела перетряхнуться несколько раз. Очки нескольких участников взлетели до небес, причём показатели Лика выглядели просто ошеломляюще: он далеко оторвался от второго места, а количество уничтоженных целей уходило в отрыв.

На фоне столь яркого выступления Освальд и Уэзер словно растворились в воздухе.

Дилан с недоверием уставился на экран, перепроверяя данные:

— Освальд... о, он пока на одиннадцатом месте, позиция довольно рискованная. А Уэзер... кхм, кто-нибудь может подсказать, куда он подевался?

Вообще-то камеры неотступно следовали за Уэзером, но с самого начала матча он играючи прикончил всего два меха, а остальное время отсиживался в кустах. По сравнению с размашистыми, яростными боями остальных участников, кадры с его участием начисто были лишены зрелищности, из-за чего их вечно норовили пропустить.

Что уж говорить о Дилане — фанаты сидели как на иголках, до боли в глазах глядя на его безнадежно отставший счёт.

Уэзер не имел об этом ни малейшего понятия. Он уже давно пробрался во внутренний круг арены, но не стал продвигаться дальше, устроившись в ближайшем укрытии. Спустя десять минут безопасная зона сузится до этого самого внутреннего кольца, и те, кто не успел войти, вне зависимости от набранных очков будут объявлены мертвыми.

Уэзер прислонил мех к стволу дерева и с безмятежным видом ждал. Время шло секунда за секундой, тихий лес вокруг словно наэлектризовался от напряжения, листья и ветки глухо шуршали.

Вдруг откуда-то издали вихрем вылетел мех. Неуклюже завалившись набок, он снёс целую полосу деревьев: судя по всему, машина только что пережила жестокую схватку. Весь корпус был усеян шрамами, сигнальные огни на груди то гасли, то вспыхивали — было очевидно, что долго ей не протянуть.

Позади хромал снежный волк, но, сделав последнее усилие, он больше не смог удерживать плотскую форму и растаял легкой дымкой, возвращаясь в ментальный мир.

Уэзер бросил взгляд на эту сцену, но шевелиться не стал. Он ждал.

И точно: следом за ними, словно с неба свалился другой мех, сопровождаемый победным рыком бурого медведя и самодовольным воплем:

— Всё равно подохнешь, стоило ли тащиться сюда и тратить моё время!

Услышав этот голос, Уэзер мгновенно воспрял духом.

Он выбрал точку наугад — просто кто первый тут пройдет, тому и не повезло. Кто же знал, что попадется именно Лик.

Тридцать сто очков. Какая неожиданная крупная рыбешка.

Уэзер задумчиво разглядывал встроенный экран. На арене осталось всего двадцать шесть человек. Стоило времени входа в зону истечь, как число сократилось еще на троих. Затем, в мгновение ока, цифра рухнула вновь: двадцать три превратились в семнадцать. Широко распахнув глаза, он уставился на то, как несколько имен одновременно погасли, а имя Освальда взлетело на вторую строчку, продемонстрировав гигантский скачок очков.

— Ч-что произошло?! — на комментаторской позиции Дилан едва не решил, что у него двоится в глазах, и принялся судорожно пересматривать повтор. — Боже мой! На таком расстоянии — и сразу выстрел! Да это же устаревшая модель лёгкого меха! Он что, прицелился исключительно на глаз, снесши крошечное ядро меха?!

Голографическая запись повтора проецировалась над трибунами: в последние полминуты до окончания отсчета времени несколько участников появились во внутреннем круге. Они находились на расстоянии друг от друга и не видели соперников, но с сужением зоны обзор резко расширился, и все они увидели стоявшего на вершине далекой башни меха и кружащего рядом грифона.

Они заметили его, но это не помогло. Они успели лишь вскинуть оружие, как крошечное ядро в голове каждого из мехов было пробито насквозь единым выстрелом!

Шесть выстрелов — и ни одного промаха.

Ядро меха хоть и находилось в голове машины, отличалось микроскопическими размерами. Из обычного оружия попасть туда было невозможно, если только огневая мощь не превосходила предел, способный разнести всю голову целиком. Участники выступали на списанных моделях, чьи системы автонаведения имели жесткие ограничения, и поразить ядро меха с дальней дистанции казалось абсолютной фантастикой.

Но Освальд сделал это. Сделал так легко, будто просто махнул рукой.

Дилан взревел от восторга:

— Я же знал! От его выстрела не уйти никому!

Зрители взревели, и эта молниеносная, филигранная сцена вмиг разлетелась по всем уголкам Небесной сети.

Однако ликующие крики не проникали на поле боя. В резком контрасте с внешним миром, атмосфера внутри сузившегося кольца из-за столь внезапного сокращения живых участников застыла ледяной коркой, и большинство бойцов предпочло залечь на дно.

Лик, разумеется, в их число не входил. Уставившись на то, как Освальд в таблице лидеров дышит ему в спину, он свирепо оскалился. Дуло его меха нацелилось на другого беглеца, в панике отступавшего назад, и без малейших колебаний разнесло разбитый в хлам коленный сустав чужой машины.

Мех со грохотом рухнул. Посчитав этого мало, Лик добил и второй сустав, после чего ткнул пальцем в голову поверженного противника. Выкрутив энергоклапан оружия на максимум, он

в упор выпустил с десятков зарядов частиц — чисто ради развлечения!

На столь близкой дистанции и при столь плотной концентрации энергии голова вражеского меха превратилась в решето. Напарница Лика, Оливия, испуганно вздрогнула. Успокаивая стража ментальной силой, она мягко уговаривала его:

— Его индикатор энергии погас, Лик, с него хватит!

Лик высокомерно усмехнулся:

— Ему еще радоваться надо, что выпала честь словить столько пуль.

Но улыбка не продержалась и двух секунд, как чей-то мужской голос мягко вздохнул прямо у него за спиной, словно из ниоткуда:

— По-моему, тебе стоило послушать её.

В тот же миг сзади раздался треск. У Лика волосы встали дыбом, он резко развернулся, отпрыгивая назад и разрывая дистанцию. Рассмотрев серийный номер внезапно появившегося меха, он поначалу испугался, но затем вспомнил, что больше не должен бояться этого парня, и успокоился:

— Уэзер? Значит, тебя до сих пор не выкинули? Ну и упорство — прятаться до самого конца.

Приговаривая это, он быстро проверил состояние своего меха и обнаружил, что запасной энергоблок на спине срезан наполовину. Пустяки, ведь главный источник питания был заряжен на семьдесят процентов, а до резервного дело бы все равно не дошло.

Лик облегченно выдохнул и не удержался от смешка:

— Так ты вылез только для того, чтобы пощекотать мою машину?

Он резко вскинул оружие, и, выпуская град снарядов, яростно заорал:

— Хватит дурачиться!

Уэзер не моргнул и глазом, привычным движением отводя мех в сторону. Ему даже не нужно было выстраивать траекторию уклонения — нет, пожалуй, все-таки нужно: легкое покачивание корпуса чуть не заставило его словить последний снаряд. Нахмурившись, он глянул на показатели: уровень синхронизации с машиной упал до семидесяти пяти процентов.

В дело вступила проводница Лика. Искусно раскинув ментальную сеть, она попыталась опутать Уэзера. Ее ментальные щупальца разделились надвое: одно рвалось запутать его мысли, другое — перехватить права на ментальную связь с мехом.

Но бурные щупальца внезапно замерли прямо перед Уэзером, будто наткнувшись на невидимую стену. Проводница тихонько охнула, и плотная ментальная сеть отхлынула назад, словно прилив.

Уэзер покачал головой и вздохнул:

— Получил же порку перед матчем, а ума не прибавилось...

Не успело затихнуть эхо его слов, как духовный зверь Лика бросился на него и, используя

преимущество в массе, намертво вцепился в его мех.

Уэзер чуть не потерял равновесие:

— ...Ладно, кое в чем попрос, но... на этом всё.

По его словам, мех испарился прямо в воздухе. Медведь Лика сгреб пустоту и растерянно захлопал глазами, а в этот момент сам Лик услышал, как автоматика меха выдала предупреждение:

— Структура запасного энергоблока повреждена. Автоматическое отсоединение через 10 секунд. Десять, девять, восемь, семь...

Он нахмурился, вовсе не придавая значения столь незначительной поломке, и быстро отключил сирену.

Однако стоило резервному блоку отвалиться, как в районе спины раздался ряд резких щелчков. Лик почувствовал, как ментальные окончания меха стремительно увядают, перед глазами вспыхнула белая вспышка, и кабина пилота погрузилась во мрак. Опешив, он попытался перезапустить машину, но ментальная сеть меха словно испарилась — ноль реакции.

В темноте зазвучал автоматический голос личного терминала соревнований:

— Ядро меха прекратило работу, восстановление невозможно. Данная миссия провалена! Через полминуты вы будете автоматически эвакуированы с арены!

— Чего?! — глаза Лика едва не вылезли из орбит, он в ужасе уставился на надпись на терминале. — Какая чушь! С какого перепугу ядро отключилось?!

Но терминал не собирался вступать в дискуссию, механически повторяя одну и ту же фразу.

Вдоволь насладившись представлением сверху, Уэзер наконец милостиво пояснил:

— DW51. Старая модель легкого меха, снятая с производства Альянсом двадцать лет назад. Из-за столь почтенного возраста мало кто помнит, что у него за резервным энергоблоком спрятан аварийный клапан самоликвидации, от которого нет никакого толку.

Лик побелел:

— Ты о чем?

Уэзер усмехнулся:

— Конструкторы вряд ли предполагали, что кто-то додумается с такой дури сбросить весь запасной энергоблок целиком. Но кто ж виноват, что тебе попался именно я?

Сейчас он не был уверен, что сможет пойти на таран и выбить чужое ядро целым и невредимым.

Наблюдая за тем, как мех противника постепенно тает, и слушая рев Лика, Уэзер искренне улыбнулся:

— Спасибо за очки.

На главном экране арены имя Лика погасло, а Уэзер, болтавшийся до этого в самом хвосте списка, благодаря очкам Лика взлетел вверх свечой!

Весело напевая под нос, Уэзер собрался было отправиться в засаду на следующего неудачливого участника, как вдруг, резко повернувшись, переменился в лице и замер на полушаге.

Неизвестно когда на сухом пне неподалеку устроился угольно-черный исполин. Его золотые глаза пристально, не мигая, следили за ним.

Уэзер инстинктивно шарил глазами вокруг — Освальда поблизости не наблюдалось, но это не принесло облегчения. Хладнокровно прикидывая пути отступления, он внезапно заметил, как грифон, поняв, что его заметили, восторженно взвизгнул и, распустив крылья, ринулся прямо на него!

Дрянь дело, подумал Уэзер, собираясь дать драпака, как вдруг радостный клич грифона сорвался на визг. Несущееся на него массивное тело резко развернулось, раскинув крылья, и лоб в лоб столкнулось с летящим снарядом. Грохот взрыва потряс небеса.

В этот момент зрители, еще не успевшие отойти от триумфа Уэзера над Ликом, с остекленевшими лицами пялились на происходящее.

Парящий вдалеке Освальд с абсолютным недоумением смотрел на собственного духовного зверя, озвучив общую мысль:

— Убирайся! Какого черта ты меня загораживаешь?!

Предварительный матч (3)

Дилан:

— Грифон... эм, кто-нибудь может объяснить, что он вытворяет? Он промахнулся мимо траектории? Или у него какая-то особая тактика?

Дилан попытался хоть как-то оправдать зверя, но гигантское создание своими действиями доказало: нет, оно заслоняло намеренно!

Будучи ментальной проекцией, грифон не получил реального урона от взрыва частиц, но мощная ударная волна отбросила его в сторону. Удержав равновесие и проигнорировав вопрос Освальда, он снова взмыл в воздух, стоило тому вскинуть оружие, и с грозным клекотом вновь раскинул крылья, преграждая хозяину путь.

Дилан онемел:

— ...Это... это что, нарочно?!

Все вокруг выглядели озадаченными, и даже Освальд смотрел на питомца с крайним непониманием.

— Уйди, — приказал он.

Но грифон даже не шелохнулся, недружелюбно рявкнув в ответ. Неразлучные прежде человек

и зверь замерли в очной ставке прямо на глазах у изумленной публики.

Уэзер со странным выражением лица наблюдал за этой сценой, смутно догадываясь, что именно за тараканы завелись в голове у этого грифона. Внезапно его окатила волна абсурда: ему казалось, будто он не на арене соревнований, а в какой-то дешёвой космической мыльной опере, играя роль третьего лишнего, разрушающего чужие отношения.

Уэзер захотел смыться немедленно. Стоило вспомнить, что между ним и Освальдом всё ещё тикает замедленная бомба, а нездоровый интерес грифона слишком бросается в глаза, и он понимал: нет никаких гарантий, что Освальд в конце концов ничего не раскопает. Воспользовавшись тем, что внимание обоих было приковано друг к другу, Уэзер без колебаний шмыгнул в чащу леса, скрываясь за густой листвой.

Оказавшись в безопасности, где назойливая парочка уже не маячила перед глазами, он с облегчением выдохнул и только тут сообразил, что покрылся испариной.

Потеть в напряженный момент — дело житейское. Но виски Уэзера дико колотило, температура тела странным образом ползла вверх, а хуже всего было то, что белый тигр, до сих пор тихо отсиживающийся в ментальном мире, глухо зарокотал, рвясь наружу.

После слияния с мехом обострившиеся пять чувств стали донельзя восприимчивыми. Уэзер не видел ни грифона, ни Освальда, но ощущал, как грифон хлопает крыльями неподалеку — вероятно, обнаружив его пропажу, зверь вытягивал шею, шаря взглядом по лесной чаще. Его золотые глаза словно пробивали насквозь любые преграды, впиваясь прямо в него, отчего по спине Уэзера пробежал холодок мнимой поимки.

Он поспешно отвел ментальный фокус в сторону, но тут же нос к носу столкнулся с другим взглядом — парой пронзительных серых глаз. Холодных, вечно преисполненных неуместной серьезности, на которые в обычные дни и секунды смотреть не хотелось, но которые сейчас странным образом манили к себе, заставляя вопреки всякой логике желать вернуться туда, поближе к источнику этого взгляда...

Хлоп!

Уэзер отвесил себе увесистую оплеуху, силясь прочистить мозги.

Ничто не могло унижить его сильнее, чем осознание того, что его тянет к Освальду. Круто развернувшись, Уэзер решил уносить ноги.

Но стоило ему сделать пару шагов в противоположном направлении, как в кабине взвыла красная тревога. Нахмурившись, Уэзер замер: он вспомнил, что безопасная зона сузилась до предела, и он едва не переступил черту.

Он сдавленно выругался.

Место засады на Лика находилось как раз у границы внутреннего круга: отступишь назад — окажешься вне зоны, двинешься вперед — нос к носу столкнешься с Освальдом, пойдешь в обход по флангам — быстро лишишься укрытия, и любое движение моментально выдаст его.

Уэзер еще никогда не чувствовал себя столь загнанным в угол. С мрачным выражением лица уставившись на ствол дерева перед собой, он в пару секунд принял решение, сопроводив его злой усмешкой. Решительно оборвав ментальную связь с мехом, он вытащил из-за сиденья плазменный кинжал, распахнул фонарь кабины и ловко выкарабкался наружу, в мгновение ока

взбираясь на плечо машины.

<http://bllate.org/book/19098/1875874>